

Капитан Сорвиголова

Автор:

[Луи Буссенар](#)

Капитан Сорвиголова

Луи Анри Буссенар

Мир приключений и тайн

Историко-приключенческая повесть популярного французского писателя рассказывает о борьбе буров в Южной Африке против английского колониального владычества в 1899–1902 гг.

Предназначена для среднего школьного возраста.

Луи Анри Буссенар

Капитан Сорвиголова

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

* * *

Трансвааль в огне

«Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне!» – эта песня на рубеже XIX и XX веков звучала повсюду в Российской империи. Речь в ней шла о далекой войне, вспыхнувшей за тридевять земель – в крохотных республиках на южной оконечности Африканского континента, созданных голландскими поселенцами. Сегодня и песня, и сама эта война полузабыты, трагедии мировых войн прошлого столетия заслонили события, происходившие в Африке в 1899–1902 годах, но в памяти потомков остались поразительные примеры мужества и стойкости, стремления к независимости и свободе, героической цельности характеров и веры в правоту своего дела. Именно эти качества привлекли сочувствие всего мира к борьбе буров – голландских фермеров-колонистов, против многократно превосходящих их силы войск Британской империи, стремившейся к господству в этой части света.

Немного истории.

Первыми европейскими поселенцами в Южной Африке стали выходцы из Нидерландов, прибывшие сюда еще в XVII веке. Около 1652 года была основана Капская колония (сегодня на этой территории расположен город Кейптаун). Вслед за голландцами сюда устремились датчане, немцы и французы. Большинство из них были земледельцами и скотоводами, искавшими лучшей жизни в дальних краях. Они постепенно покорили местные африканские племена, а на свободных землях основали свои фермы. Недаром со временем колонистов Южной Африки стали называть бурами – слово «бур» на голландском означает «крестьянин».

Вскоре на долю буров выпали нелегкие испытания. В те времена единственный путь в Индию, недавно ставшую британским владением, проходил вокруг Африки, и Англия нуждалась в опорном пункте на континенте, чтобы обеспечить безопасность судов, совершавших плавания в Южную Азию. С этой целью в 1795 году англичане захватили Капскую колонию и объявили ее своей собственностью.

Приток новых поселенцев из Англии, передача им лучших земель и пастбищ, повсеместное введение английского языка и рост налогов, которые теперь собирались в пользу британской короны, вызвали недовольство буров. В

результате в 1834–1838 годах началось массовое переселение буров в глубь Африки – за реку Вааль. Там, на изолированном от остального мира плоскогорье, буры создали два независимых государства – Республику Трансвааль и Оранжевую республику.

Но на этом их злоключения не закончились: в 1867 году на границе Оранжевой республики и Капской колонии было обнаружено крупнейшее в мире месторождение алмазов, и вскоре здесь возникла английская колония Южная Родезия – алмазная империя промышленника Сесила Родса, который всячески подталкивал Англию к войне с бурами. А в 1886 году, теперь уже в Трансваале, были открыты богатейшие золотоносные месторождения. В страну хлынул поток искателей удачи, главным образом англичан, которые вскоре сосредоточили в своих руках золотодобычу, промышленность и торговлю Трансвааля, тогда как буры по-прежнему жили на фермах, занимаясь земледелием и скотоводством.

В 1895 году при поддержке правительства Великобритании вооруженный отряд, принадлежавший частной английской горнорудной компании, пересек границу Трансвааля со стороны Родезии и попытался захватить Йоханнесбург[1 - Йоханнесбург – поселок, находившийся рядом с золотым прииском, через три года превратился в главный город Южной Африки. (Здесь и далее прим. ред.)]. Спустя два дня отряд был окружен и взят в плен бурскими войсками, и это окончательно убедило Англию, что завладеть золотоносными районами Южной Африки удастся только путем «большой» войны.

Английское командование начало переброску огромного количества войск в Южную Африку, используя для этого быстроходные крейсера[2 - Крейсер – класс боевых надводных кораблей, способных выполнять задачи независимо от основного флота, среди которых может быть борьба с легкими силами флота, оборона соединений боевых кораблей и конвоев судов, огневая поддержка приморских флангов сухопутных войск и т. д.], и вскоре добилось почти десятикратного перевеса над небольшой, но хорошо оснащенной армией буров. В 1899 году начались боевые действия, а в феврале 1900 года англичане окружили и вынудили капитулировать армию Оранжевой республики. Вскоре были захвачены обе столицы бурских государств – Блумфонтейн и Претория.

Однако военные неудачи не заставили буров сложить оружие и прекратить сопротивление: на всей территории Южной Африки развернулась массовая партизанская война, в которой принимали участие не только буры, но и часть коренных африканских народов, в том числе зулусы и бушмены. Малочисленные

отряды буров, отлично знавших местность, впервые в мире использовали снайперскую тактику. Они мгновенно появлялись, уничтожали врага и так же стремительно исчезали в непроходимых зарослях. Британские войска несли огромные потери, партизаны-буры, к которым присоединились добровольцы из многих стран мира – голландцы, немцы, французы, ирландцы, русские, канадцы, – разрушали коммуникации захватчиков и лишали их войска боеприпасов и продовольствия. Буры до последней капли крови отстаивали свою независимость, на их стороне сражались даже граждане США, несмотря на их языковую и культурную близость с британцами.

Чтобы окончательно сломить сопротивление буров, британцы создали по всей Южной Африке систему блокгаузов – укрепленных пунктов, прикрывающих основные пути сообщения. А затем начались свирепые репрессии против населения, заподозренного в содействии партизанам, и против семей сражающихся буров. Их фермы сжигали, уничтожали скот и посевы, а женщин и детей сгоняли в концентрационные лагеря. За весь период англо-бурской войны это изобретение «просвещенных британцев» унесло жизни 30 тысяч невинных жертв.

Такая жестокость вызвала возмущение во всем мире, но помочь бурам уже никто не мог – в 1902 году Трансвааль и Оранжевая Республика окончательно пали и превратились в колонии Великобритании.

Этим бурным и кровавым событиям, обозначившим рубеж между двумя столетиями, и посвящен роман французского писателя Луи Анри Буссенара (1847–1910) «Капитан Сорвиголова». Написанный буквально по горячим следам событий, он увидел свет в 1901 году, когда англо-бурская война еще была далека до завершения, а ее исход не был известен автору. Однако книга, в которой автор описывал динамичные и яркие события, выражал сочувствие к сражающемуся за свои права и землю народу, мгновенно стала одной из самых популярных в Европе, а позднее вошла в золотой фонд мировой приключенческой литературы.

Луи Буссенар родился 4 октября 1847 года в городке Эскренн в департаменте Луара на востоке Франции. Будущий писатель окончил медицинский факультет в Париже, но едва успел получить диплом, как был мобилизован – летом 1870 года разразилась франко-прусская война. В сражении под Шампиньи Буссенар был серьезно ранен, а позднее вместе со всей французской армией пережил

военную катастрофу под Седаном и позор поражения. С тех пор он возненавидел войну и признавал право народов братья за оружие лишь для защиты свободы и независимости. Эта мысль – одна из главных в его многочисленных романах, рассказах и очерках.

После войны Буссенар оставил медицину и вернулся в Париж, приняв решение всецело посвятить себя литературе. И не ошибся: уже первые повести начинающего автора, опубликованные в еженедельнике «Путешествия и приключения на суше и море» в 1879 году, сделали имя Буссенара широко известным среди юных читателей – ведь именно для них создавалось большинство его произведений.

В 1880 году французское правительство командировало Буссенара в одну из колоний – Французскую Гвиану[3 - Французская Гвиана – заморское владение Франции на северо-востоке Южной Америки.]. За этой поездкой последовал целый ряд экспедиций в Америку, Африку и Австралию – писателя охватила подлинная страсть к путешествиям, которые дарили ему богатейший исторический и географический материал, а заодно – экзотические сюжеты, о каких не приходилось даже мечтать в Европе. Одна за другой рождались новые книги – романы «Гвианские робинзоны», «Приключения в стране бизонов», «Приключения в стране тигров», «Похитители бриллиантов», «Из Парижа в Бразилию», «Приключения в стране львов» и многие другие. Героями их становились отважные молодые европейцы, наделенные незаурядным умом, бесстрашием и редкостной находчивостью. Эти качества помогали им с честью выходить из самых опасных и затруднительных ситуаций во время скитаний в малоизученных и труднодоступных уголках мира.

Как бы продолжая «жюльверновскую» традицию в литературе, Луи Буссенар в конце XIX столетия создал ряд научно-фантастических романов, лучшим из которых стал «Десять тысяч лет среди льдов», а в начале нового века обратился к историко-приключенческому жанру, которому принадлежат его «Капитан Сорвиголова», «Герои Малахова кургана» и «Пылающий остров».

Более ста лет минуло со дня смерти замечательного писателя, но его герои по-прежнему пользуются любовью читателей на всех континентах. И не только благодаря их отваге и обаянию, но и потому, что в каждом из героев Луи Буссенара живет драгоценнейшее качество юности – готовность идти до конца в борьбе за победу добра и справедливости.

Часть первая

Молокососы

Глава 1

Старший сержант, назначенный секретарем военно-полевого суда[4 - Военно-полевой суд – чрезвычайный орган, действующий на основе особого положения, при упрощенном до крайних пределов судопроизводстве.], поднялся и зачитал то, что было нацарапано на клочке бумаги. Голос его звучал отрывисто и сухо:

– Суд в составе старших офицеров полка, рассматривая дело об отравлении двадцати пяти лошадей четвертой артиллерийской батареи, единогласно признал виновным и приговорил к смертной казни обвиняемого Давида Поттера. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно...

Пятеро членов суда восседали на складных стульях с надменным видом джентльменов, вынужденных отбывать скучную повинность.

Когда оглашение приговора завершилось, один из судей, молодой капитан, процедил сквозь зубы:

– Бог ты мой!.. Столько возни, чтобы отправить на тот свет какого-то мужлана – мятежника и убийцу!

Тем временем председатель суда, рослый мужчина в форме полковника шотландских горных стрелков – хайлендеров Гордона[5 - Хайлендеры Гордона – полк легкой пехоты, образованный герцогом Гордоном в 1794 году, первоначально из шотландцев. В XIX веке несли службу во многих колониях Британской империи, в том числе и в Африке.], жестом остановил офицера и обратился к осужденному:

– Что скажете в свое оправдание?

Бур, который был на целую голову выше конвоиров, стоявших рядом с палашами[6 - Палаш – рубяще-колющее клинковое холодное оружие с прямым длинным клинком и сложным эфесом.] наголо, презрительно пожал плечами. Затем он отвернулся от членов суда и устремил взгляд туда, где стояли его близкие.

Его жена, еще совсем молодая женщина, едва сдерживала рыдания, дети плакали навзрыд, а старики родители грозили захватчикам-чужеземцам, воздевая немощные руки к небу.

Яркое солнце, словно для того, чтобы подчеркнуть трагизм происходящего, озаряло крепкие постройки фермы, принадлежавшей семейству Поттеров. Здесь Давид Поттер жил, любил, страдал и боролся до последнего дня. На мгновение взор бура затуманила слеза, но гнев тотчас высушил ее. Он выпрямился и, сжимая кулаки, хрипло проговорил:

– Вы осудили меня за то, что я защищал свободу и независимость... Сегодня вы оказались сильнее – ну так убейте меня!

– Мы судьи, а не мясники! – резко прервал его председатель суда. – Вы, буры, ведете войну, недостойную цивилизованных людей. У войны есть свои законы, и по этим законам мы вас судим. Мы сражаемся в открытую, полагаясь только на силу оружия, а использовать яд – подло. Сегодня вы травите лошадей, а завтра возьметесь за людей. Вот почему ваши действия заслуживают самой суровой кары.

Бур, не разбиравшийся в таких тонкостях, горячо возразил:

– Я защищал свою страну, а значит, был вправе уничтожать все, что служит захватчикам: людей, скот, оружие, амуницию. И вы никогда не докажете мне, что убивать людей из ружья почетно, а травить лошадей ядом – подло!

– От этой скотины толку не добьешься, – пробормотал капитан, на которого, однако, произвела впечатление наивная логика фермера.

– Слушание дела закончено! – объявил председатель. – Давид Поттер, приготовьтесь умереть.

– А я и не просил пощады. Клянусь – если бы вы оставили меня в живых, я снова взялся бы за прежнее. Ну что же, пролейте мою кровь, но помните: кровь мучеников за независимость – это роса, питающая ростки свободы!

От этих слов, произнесенных громовым голосом, даже секретаря суда пробрала дрожь. Однако он тут же продолжил чтение приговора:

– Осужденный обязан сам вырыть для себя могилу. Приговор будет приведен в исполнение отрядом из двенадцати человек. Ружья раздаст сержант, причем шесть из них будут заряжены боевыми патронами, остальные – холостыми...

Услышав это, осужденный оглушительно расхохотался:

– Ну и ну! Вы, значит, боитесь, чтобы ваши солдаты не пали жертвами мести за расстрелянных ими? Глупцы! Солдатам нечего бояться: наша месть не коснется этих невольных соучастников ваших преступлений. Она постигнет только тех, кто вынес этот приговор. Вас пятеро, но за вами вся английская армия – двести тысяч человек, и все равно вы погибнете самой жестокой смертью. И это я приговариваю вас – окончательно и бесповоротно!

Председатель суда поднялся:

– Мы судим, руководствуясь правом, и ваши угрозы – пустое сотрясение воздуха. А сейчас, хоть закон этого и не позволяет, я разрешаю вам проститься со своим семейством.

По его знаку цепь солдат разомкнулась. В образовавшийся проход ринулись родные осужденного, а впереди всех – жена Давида Поттера. Обезумевшая от горя женщина бросилась на грудь своего верного спутника жизни и отчаянно сжала его в объятиях, не в силах вымолвить ни слова.

Все это время рядом с ней, поддерживая и оберегая, находился красивый юноша в охотничьем костюме отменного покроя, резко отличавшемся от незатейливой одежды буров. Его появление заинтересовало англичан – уж слишком он не походил на поселенца-крестьянина.

При виде юноши печальная улыбка появилась на суровом лице осужденного.

– Мой добрый Давид!.. Вот как нам довелось свидеться! – с горечью воскликнул молодой человек.

– Неужели это вы, мой дорогой мальчик?.. Какая неудача: они все-таки схватили меня – и это конец...

– Погодите отчаиваться, Давид!.. Я попробую потолковать с ними, – произнес юноша.

В следующую минуту он шагнул к членам военно-полевого суда и, не теряя достоинства, обратился к председателю:

– Умоляю вас, сэръ, прикажите отсрочить казнь... Сжальтесь над этим человеком, действиями которого руководило лишь чувство патриотизма. Вы сыновья великой нации, так будьте же великодушны!..

– Мне очень жаль, – ответил полковник, отдавая честь затянутой в перчатку рукой, – но здесь я бессилён.

– Всего несколько дней жизни!.. Только неделю – и я берусь выхлопотать для Давида Поттера помилование.

– Это невозможно. Законный приговор вступил в силу, а все мы – от Ее Величества королевы до последнего рядового – рабы закона.

– Я готов внести залог: десять тысяч франков за каждый день жизни...

– Нет.

– Тогда сто тысяч... Это миллион за десять дней!

– Миллион? Да кто вы, собственно, такой?

– Человек, отвечающий за свои слова, – с вызовом ответил юноша. – Давид Поттер спас мне жизнь, и я готов отдать за него все до последней капли крови!

– Это делает вам честь, – прервал его полковник, – но на войне не следует руководствоваться чувствами. У меня есть сын примерно вашего возраста, он служит офицером в моем полку. Предположим, что он попал в плен к бурам и должен быть расстрелян, как сейчас будет расстрелян этот человек. Представьте, что мне предлагают его жизнь в обмен на жизнь Давида Поттера...

– И вы?.. – юноша едва сдерживал волнение.

– Я не принял бы этого предложения!

Юноша опустил голову. Стало окончательно ясно: спасти осужденного невозможно. Впервые перед ним открылся во всей его отвратительной простоте ужас войны – этого позора человечества, страшного бедствия, которое превращает убийство в закон и нагромождает горы трупов невинных.

Вернувшись к буру, окруженному родными, он с невыразимой горечью воскликнул:

– Мой добрый Давид!.. Я пытался убедить их, но ничего не вышло... Надеяться больше не на что.

– И все же я благодарен вам, мой маленький храбрый француз, – проговорил Поттер. – На душе становится легче, когда знаешь, что за наше дело сражаются такие люди, как вы! Попрошу об одном: побудьте рядом с моей женой и детьми до моего последнего вздоха... А если сможете – отомстите!

– Обещаю вам, Давид!

Офицеры уже расходились, с любопытством поглядывая на этого почти мальчишку, который с легкостью распоряжался миллионами и рассуждал, как зрелый мужчина. На площадке остались только секретарь суда, конвойные и пехотинцы, окружавшие осужденного и его семью.

Наконец секретарь приказал одному из солдат дать осужденному свою саперную лопатку. Солдат подал инструмент буру, и сержант, ткнув пальцем в землю, скомандовал:

– Начинай копать!..

Бур убрал руки за спину и пожал плечами:

– Я не стану марать руки этим британским изделием. Прикажете принести мои кирку и лопату, которыми я столько лет возделывал эту землю.

Когда кирку и лопату принесли, бур двумя длинными шагами отмерил на красноватой почве свой гигантский рост, взялся за рукоятку кирки, за долгие годы отполированную до блеска его мозолистыми руками, и сделал две глубокие зарубки в красноватой почве трансваальской степи, которую буры называют велдом.

Поттер целиком погрузился в работу. Он мощными ударами вгрызался в почву, и вскоре могила углубилась настолько, что из нее виднелся лишь его торс. Иногда он украдкой бросал взгляд на жену и детей и тогда принимался работать быстрее, спеша поскорее покончить с мучительной для них процедурой.

Один из солдат, охваченный состраданием, протянул буру флягу с виски.

– Выпейте, это от чистого сердца, – сказал он.

– Виски?.. Нет, благодарю. Еще подумают, что я выпил для храбрости. Но я бы не отказался от глотка воды!

Солдат сбегал в дом и принес деревянный ковш, полный свежей воды. Давид жадно напился, а солдат вернулся в строй, ворча:

– Вода!.. Да если б я был так же близок, как он, от встречи с костлявой, я бы не постеснялся осушить фляги всего взвода. Это так же верно, как то, что меня звать Томми Аткинс!..

Солнце клонилось к западу, а удары кирки в зияющей яме звучали все глуше. Жена Поттера, с ужасом сознавая приближение роковой минуты, не сводила глаз с двух бугров свежей земли, высившихся по обе стороны могилы.

Наконец послышался лязг затворов. Это старший сержант, достав из патронташа двенадцать патронов и вырвав из шести из них пули, заряжал ружья. Затем он подошел к буру, который все еще продолжал работу, и проговорил:

– Давид Поттер, приготовьтесь к смерти!

Из ямы донесся спокойный голос:

– Я готов.

Уложив лопату поперек ямы, бур-великан подтянулся, одним прыжком перемахнул через могильный скат и встал на краю ямы. Жена и дети бросились было к нему, но караул оттеснил их. Вперед выступили двенадцать солдат, которым предстояло исполнить приговор. Разобрав составленные в пирамиду ружья, они выстроились в шеренгу в пятнадцати шагах. К осужденному приблизился старший сержант, чтобы завязать ему глаза и поставить на колени, но Поттер запротестовал:

– Единственная моя просьба: позвольте мне умереть стоя, глядя на солнце, и самому скомандовать: «Огонь!»

Сержант только козырнул – при виде такого мужества и спокойствия ему больше ничего не оставалось.

Мертвая тишина повисла над лагерем. Короткая команда, слитное звяканье металла, и двенадцать стволов, вытянувшись в сверкающую линию, взяли бура на прицел.

Стоя с обнаженной головой и открытой грудью, осужденный глубоко вздохнул и воскликнул:

– Прощайте, жена, дети, свобода! Прощай все, что я любил! Да здравствует независимость!.. А вы, солдаты: огонь!..

Грянул залп, подхваченный эхом. Бур пошатнулся и рухнул навзничь на один из могильных скатов. Из уст его жены вырвался крик отчаяния. Солдаты взяли на караул и зашагали в лагерь. Оцепление разомкнулось, открыв доступ к могиле.

Давид Поттер умер мгновенно. Из груди великана бура, изрешеченной шестью пулями, продолжала хлестать кровь, но он уже не дышал. Опустившись на колени, несчастная жена закрыла его глаза, даже и в смерти сохранившие твердость взгляда. А затем, омочив пальцы в крови мужа, осенила себя знаком креста и проговорила, обращаясь к детям:

– Сделайте, как я... И всегда помните: ваш отец – мученик, кровь которого не должна остаться неотомщенной!

Дети последовали ее примеру. Старший сын Поттера, рослый четырнадцатилетний мальчик, решительно направился к молодому французу и, взяв его за руку, твердо сказал:

– Ты ведь возьмешь меня с собой?

– Да, – ответил француз, – у меня найдутся для тебя и пони, и кавалерийский карабин[7 - Карабин – первоначально короткое ружье для конницы, гладкоствольное или нарезное.].

– Ступай, мой мальчик! – воскликнула, услышав слова сына, мать. – Сражайся, как подобает настоящему мужчине, и отомсти за отца!

Из дома принесли простыню, чтобы завернуть в нее тело Давида, и веревку – чтобы опустить его в могилу. Но тут примчался взволнованный подросток, коренастый и юркий, как белка, и бросился к молодому французу.

– Нас предали!.. – вполголоса проговорил он. – Беги!.. Англичане пронюхали, что ты на их передовых позициях... Лошади уже готовы.

– Благодарю, Фанфан... – Обращаясь к юному буру, француз сказал: – Обними мать, Поль, да не мешкай – нам пора.

Подросток, которого называли Фанфаном, уже скрылся. Сын казненного и молодой незнакомец вскоре последовали за ним.

Фанфан тем временем направлялся к зарослям колючих мимоз, где стояла пара крепких пони с карабинами у седел и туго набитыми походными сумками.

Прыгнув в седло, француз крикнул Полю:

– Садись на круп позади Фанфана – и вперед!.. Сейчас здесь станет жарко.

С английских передовых постов уже прозвучало несколько выстрелов, когда их пони взяли с места бешеным галопом. У фермы Давида Поттера поднялась суматоха.

– Окружить дом! Никого не выпускать! – командовал примчавшийся на взмыленном коне полковой адъютант. – Старший сержант, вы видели здесь юношу в охотничьем костюме?

– Так точно, господин лейтенант!

– Немедленно схватить и доставить в штаб. Живым или мертвым.

– Да ведь это же безобидный мальчишка!

– Идиот!.. Это сущий дьявол – капитан Сорвиголова, командир разведчиков буров... Всех людей, которыми вы располагаете, – в седло!

В одно мгновение были взнузданы и оседланы три десятка лошадей, и началась бешеная погоня...

Глава 2

Все знают, что англичане – страстные спортсмены и поводом для конных состязаний у них может стать все что угодно. Нет лисицы для травли с собаками – они довольствуются комочками бумаги, которые егерь разбрасывает по полю, а если предстоит погоня за человеком, которого можно безнаказанно настичь и убить, – тут уж цивилизованные варвары приходят в полный восторг.

Когда речь зашла о погоне, офицеры приказали солдатам спешиться и забрали их коней. Отряд преследователей сформировался в одно мгновение. Он состоял из драгун, улан, гусар[8 - Драгуны – название конницы, способной действовать также и в пешем строю. Уланы – род легкой конницы, первоначально вооруженной пиками и саблями, впоследствии от других видов конницы отличались только формой. Гусары – род конницы, вооруженной саблями, карабинами, пистолетами.] и нескольких добровольцев-кавалеристов – еще более одержимых, чем их товарищи.

Вперед!.. Вперед!.. Идет охота на человека!

Отряд всадников то смыкался, то растягивался в зависимости от рельефа местности, темперамента седоков и резвости лошадей. Впереди всех мчался молодой уланский лейтенант на отличном породистом скакуне, и с каждой минутой он все дальше отрывался от остальных преследователей и приближался к беглецам, которые опережали погоню не больше чем на полкилометра.

Молодые люди мчались во весь опор на своих пони – неказистых с виду, но проворных, смелых и умных животных, и вскоре оба отряда вступили в полосу высокорослых африканских трав. Здесь пони сразу же получили преимущество:

они перешли на своеобразный аллюр, при котором передние ноги идут рысью, а задние галопом. Это давало им возможность, почти не снижая скорости, пробираться среди трав и сохранять дистанцию, отделявшую беглецов от преследователей. И только лейтенант-улан да еще трое всадников продолжали нагонять беглецов.

Пони молодого француза, которого англичане прозвали капитаном Сорвиголова, пока не обнаруживал ни малейших признаков усталости. Но удила пони, на котором мчались Фанфан и юный Поль, уже были покрыты обильной пеной – он явно начинал выдыхаться.

Встревоженный приближением англичан, Сорвиголова обернулся и отстегнул крепление карабина. Затем он издал короткий свист, при звуке которого оба пони мгновенно замерли на месте.

Проворно спрыгнув с пони, Сорвиголова пристроил на седле ствол карабина и, взяв на прицел уланского офицера, плавно спустил курок. Несколько мгновений Сорвиголова не двигался, словно пытаясь проследить за полетом пули. Тем временем офицер выпустил поводья и, взмахнув руками, опрокинулся на круп своего рослого коня, а затем, когда лошадь от неожиданности рванулась в сторону, сполз на землю. Обезумевший от испуга конь понесся куда глаза глядят.

– Благодарю вас, Сорвиголова! Может, это один из тех, кто убил моего отца! – воскликнул Поль Поттер.

Рядом послышался второй выстрел – Фанфан решил последовать примеру своего командира, правда, без всякого успеха.

Трое кавалеристов, скакавших за лейтенантом, остановились, сбившись группкой, чтобы подобрать товарища.

Сорвиголова снова выстрелил. Одна из лошадей англичан поднялась на дыбы и рухнула на спину, подмяв под себя всадника.

– Второй готов! – с ликованием завопил юный бур.

«Б-бах!..» – это опять выстрелил Фанфан и снова промахнулся.

– Ты стреляешь, как парижский лавочник! – крикнул Сорвиголова. – Ну-ка, передай ружье Полю!

– Вот это дело! – обрадовался сын казненного. – Сейчас увидишь, чему меня учил отец.

С аккуратностью опытного солдата мальчик оттянул затвор, вложил патрон в казенную часть, поймал на мушку одного из двух оставшихся в живых англичан и выстрелил в тот самый миг, когда уланы возобновили преследование.

– Здорово! – заплясал Фанфан, радуясь успеху маленького бура, одним выстрелом снявшего всадника с коня.

– Ну, Поль, четвертого – на двоих! – крикнул Сорвиголова. – Тебе – офицер, мне – конь.

Два выстрела слились в один. Всадник и лошадь рухнули на полном скаку и исчезли в высокой траве.

– О, я отомщу, и хорошо отомщу, бедный мой отец! – воскликнул, бледнея от гнева, мальчик.

Расправа с авангардом погони заняла всего полминуты. А теперь пора было удирать, потому что весь отряд уже подтянулся к месту гибели своих товарищей и перестраивался для стрельбы.

Сядясь на пони, Сорвиголова заметил, что англичане целятся в них, пронзительно свистнул и скомандовал: «Ложись!» Выдрессированные животные, услышав знакомый сигнал, распластались на земле вместе со своими хозяевами – и в воздухе засвистел град пуль.

Внезапно Фанфан болезненно вскрикнул:

– Черт побери, меня, кажется, угостили!

– Бедный Фанфан! – тревожно отозвался Сорвиголова. – Ну-ка, покажи, что с тобой?

– В левую ходую метили, – пытался шутить Фанфан. – Уф-ф, кость, вроде, цела, только икру продырявили...

– Дай я перевяжу.

– Чепуха! Обмотаю платком, остальное как-нибудь потом... Сейчас есть дела поважнее.

Англичане, не ожидавшие встретить столь серьезных противников, рассчитывали взять мальчишек буквально голыми руками. Теперь они сменили тактику и начали маневрировать. Отряд разделился: семеро поскакали направо, семеро – налево, чтобы отрезать беглецам отступление. Оставшиеся на месте кавалеристы рассредоточились и стали вести огонь в том направлении, где скрывались в траве юные партизаны.

Сорвиголова приподнял голову и быстро оглядел местность.

– Смотри-ка, – заметил он, – они пытаются взять нас в клещи. Придется отступать. Ты как, Фанфан?

– Будь спокоен, хозяин! Уж я-то не стану путаться в ногах. Да я и не дрожу за свою шкуру, а если б дрожал, то сидел бы сейчас дома, на улице Грене в Париже.

Не вслушиваясь в рассуждения Фанфана, Сорвиголова действовал. Он определил по компасу, что справа, всего в двух километрах от них, находится хорошо знакомый ему лес, затем связал узлом стремяна обоих пони, закинув их на седла. Англичане продолжали лениво постреливать, видимо, не собираясь ничего предпринимать, пока их товарищи не завершат окружение. Тем временем Сорвиголова забросил за спину свой карабин и, дав знак друзьям следовать за ним, со змеиной быстротой пополз среди высокой травы. Поль и Фанфан последовали его примеру, и вскоре все трое исчезли среди буйной растительности. Пони остались на месте.

Англичане теперь двигались намного осторожнее, их кони трусили шагом. Не обращая на них внимания, Сорвиголова продолжал ползти направо, где уже виднелась опушка леса.

Обернувшись к товарищам, он проговорил вполголоса:

– Только б они не покалечили наших лошадок... Эх, будь со мной хотя бы дюжина моих Молокососов, ни один из этих хаки[9 - Хаки – оттенки от грязно-желтого до зеленовато-коричневого, «защитного» цвета, используемого в целях камуфляжа. Во время второй англо-бурской войны (1899–1902) подразделения британской армии перешли на униформу цвета хаки.] не вернулся бы в лагерь... Как твои дела, старина Фанфан?

– Потеем, трудимся... – проворчал Фанфан. – Не думаю, что мог бы прыгнуть с трамплина, но для ходьбы на четвереньках лапой больше, лапой меньше – разницы никакой.

К счастью, трава в этой части велда достигала метра и больше в высоту; только это и спасало бесстрашных сорванцов. В другой обстановке англичане их давно уже перестреляли бы, как куропаток.

Между тем правый и левый отряды англичан достигли противоположных концов равнины и теперь готовились сомкнуть кольцо вокруг того места, где, по их мнению, сейчас находились беглецы. Те за это время успели преодолеть около полукилометра среди зарослей трав и к тому же изменили направление движения – прежде они мчались на север, а теперь ползли на восток. Но до спасительного леса оставалось еще не менее полутора километров, а силы раненого Фанфана были на исходе. Ослабевший от потери крови, он стал упрашивать друзей бросить его.

– Помалкивай! – резко оборвал его Сорвиголова. – Или ты вернешься в лагерь вместе с нами, или мы все погибнем здесь!

– Но ты сам посуди! – возмущался Фанфан. – Командующий ждет результатов разведки. От этого зависит судьба сотен людей!

Вместо ответа Сорвиголова только пожал плечами. Слегка приподняв голову над травой, он беглым взглядом окинул равнину. Сейчас от врагов их отделяло около

шестисот метров. Если бы они могли и дальше продвигаться в том же темпе, но бедняга Фанфан!..

Выхода не оставалось: Сорвиголова трижды пронзительно свистнул. Бурские лошадки, до сих пор не обнаруженные англичанами, мгновенно вскочили и понеслись бешеным галопом, прыгая над травой, как антилопы. Их тонкий слух верно уловил направление, откуда был подан сигнал.

Растерявшиеся англичане несколько раз выстрелили вдогонку пони, но, увидев, что они без седоков, перестали обращать на животных внимание. Слышали преследователи и свист, но, поскольку их отряды находились далеко друг от друга, им не удалось определить место, откуда он раздался. Больше того – они приняли свист за сигнал к атаке и поторопились сойтись в той точке, где давным-давно никого не было.

Маневр удался блестяще, однако опасность еще не миновала. Сорвиголова подождал пони легким прищелкиванием языка и в считанные секунды развязал стремя.

– В седло, Поль! – скомандовал он. – Скачи прямо в лес и не оглядывайся.

Пока маленький бур усаживался на лошадь, он поднял Фанфана, взвалил его на холку пони и, вскочив позади раненого в седло, устремился за буром.

Англичане, поняв, что их одурачили, открыли вдогонку бешеную стрельбу. Пока одни кавалеристы вели безостановочный огонь, другие снова бросились в погоню. Каких-нибудь пять-шесть минут – и беглецы достигнут спасительного леса.

Внезапно лошадка Поля зашаталась и едва удержала равновесие. На ее левом боку появилась кровавая полоса.

– Держись крепко, Поль, твой пони ранен! – крикнул Сорвиголова.

Бур и сам уже почувствовал, что пони слабеет. Напрасно он подбадривал его голосом и вонзал шпоры в бока – преданное животное пробежало еще метров триста, а потом тяжело повалилось на землю. Поль успел соскочить с него и

стоял целый и невредимый.

- Бедный Коко! - всхлипнул Фанфан, обожавший своего конька.

Остановив своего пони, Сорвиголова крикнул:

- Садись позади меня, Поль, и держись покрепче!

Однако уставший пони уже не мог бежать так, как до сих пор, тем более с тремя седоками. И хотя до леса оставалось не больше трехсот метров, расстояние между беглецами и англичанами сокращалось с каждой секундой.

Прогремел новый залп, и Поль с глухим стоном скатился в траву, но тут же вскочил и прокричал, догоняя товарищей:

- Все в порядке, я всего лишь обезоружен!

Пуля угодила ему между лопаток, но, ударившись о патронник, смяла его и раздробила в щепки приклад.

Еще полтора метра!

Англичане приближались, неистово улюлюкая. Что за чудесная охота! Маленький бур бежал вдогонку за пони, но трава здесь была не такая густая и не могла служить укрытием. Вдобавок пони, угодив копытом в муравейник, упал на колени, и Сорвиголова с Фанфаном, перелетев через луку[10 - Лука - выступающий изгиб переднего или заднего края седла.] седла, шлепнулись на землю в нескольких шагах впереди. Слегка оглушенный Сорвиголова мгновенно вскочил, но его товарищ лежал без сознания.

- Эй, щенки, сдавайтесь! - азартно орали англичане.

Сорвиголова хладнокровно выбрал цели - и три выстрела слились в один. Трое мчавшихся впереди англичан один за другим рухнули в траву. Затем он передал ружье Полю:

- В магазине еще четыре патрона. Задержи их, а я унесу Фанфана.

Фанфан все еще не пришел в себя. Сорвиголова вскинул его на плечо и бросился к лесу. Но едва он вступил на опушку, как в нескольких шагах громоподобно прозвучало: «Огонь!» – и юноша очутился среди дыма, пламени и грохота выстрелов.

Сорвиголове на мгновение почудилось, что он угодил прямиком в ад.

Глава 3

Как-то в парижском еженедельнике «Путешествия и приключения на суше и море» был опубликован рассказ «Ледяной ад» о приключениях французов на Клондайке[11 - Клондайк – правый приток реки Юкон на северо-западе Канады. С открытия месторождений золота в этом районе реки в середине августа 1896 года началась клондайкская «золотая лихорадка»]. Здесь стоит сказать несколько слов об этой захватывающей драме.

Несколько молодых французов, случайно оказавшихся жертвами бандитского сообщества «Коричневая звезда», покинули родину и отправились искать счастья у Полярного круга – там только что были открыты богатейшие золотые россыпи. Ценой невероятных усилий они действительно стали обладателями баснословного состояния. Однако бандиты, не упускавшие их из виду, также последовали на Клондайк и вскоре пронюхали, что молодые люди открыли месторождение золота, которое, по самым скромным подсчетам, могло принести владельцам фантастическую сумму в сто миллионов франков.

Героями этой драмы были молодой ученый Леон Фортэн и его невеста Марта Грандые, газетный репортер Поль Редон, присоединившиеся к ним канадец Лестанг Дюшато и его отважная дочь Жанна, а также брат Марты – Жан Грандые.

Жану Грандые, воспитаннику прославленного парижского коллежа Сент-Барб, было в ту пору всего пятнадцать. Природа одарила его редким умом, физической силой и необыкновенной выносливостью. Он с легкостью переносил пятидесятиградусные морозы, проявил необыкновенную ловкость в борьбе с полярными волками и в довершение всего, будучи тяжело раненым, собственноручно уничтожил пятерых главарей шайки «Коричневая звезда» и освободил свою сестру и Жанну Дюшато, угодивших в плен к злодеям.

Во Францию Жан Грандые вернулся сказочно богатым и одержимым жаждой новых приключений. Через несколько месяцев спокойной жизни он жестоко заскучал. Его живая натура требовала впечатлений и действия. Жан уже решил было организовать исследовательскую экспедицию и проникнуть в какой-нибудь неизведанный уголок Земли, но тут вспыхнула англо-бурская война.

Пылкая и благородная душа юноши мгновенно прониклась сочувствием к маленьким южноафриканским республикам, отчаянно сражавшимся за независимость. Его восхищали достоинство и величие «дядюшки Пауля» – президента Трансвааля Крюгера, который казался воплощением добродетелей бурского народа. Он влюбился в буров – этих солдат, ненавидевших войну и бравшихся за оружие только ради святого дела свободы. И само собой, Жан возненавидел англичан-завоевателей, развязавших жестокую войну.

С одной стороны – богатейшая и могущественнейшая империя с населением в четыреста миллионов человек, с другой – четыреста тысяч мирных фермеров, мечтающих лишь о том, чтобы весь мир оставил их в покое.

Жан Грандые размышлял: если большие государства так алчны и подлы, а политики только потворствуют их жадности, то любой честный человек должен действовать ради восстановления справедливости, не щадя своей жизни. Он молод, смел, богат и свободен, его влекут приключения, а душа полна ненависти к угнетению. Других причин и не требовалось, чтобы юноша стал добровольцем трансваальской армии.

Простившись с друзьями, Жан Грандые отправился в намеченное путешествие. Но едва его роскошный экипаж подкатил к парижскому вокзалу, как какой-то подросток лет пятнадцати бросился открывать дверцу, рассчитывая получить чаевые. Однако лакей грубо отшвырнул мальчишку прочь, и тот растянулся во весь рост, ударившись лицом о мостовую. Жан поспешно выпрыгнул из кареты, подхватил парня и поставил его на ноги.

- Прости, друг! - воскликнул он. - У тебя все цело?.. Прошу тебя - прими небольшое вознаграждение за эти неприятности...

Подросток, у которого струилась из носу кровь, пробормотал:

- Вы очень добры, сударь, но, право, ничего особенного...

- Бери, не стесняйся, - настаивал Жан, - и не поминай лихом нашу встречу.

Несколько золотых монет скользнули в ладонь подростка, и он разинул рот от изумления:

- Это все мне? Ну и ну!.. Благодарю вас, ваше сиятельство! Теперь-то я поглазею на белый свет!

- Любишь путешествовать? - спросил Жан.

- С пеленок мечтал... А теперь, благодаря вашей милости, смогу купить билет до Марсея.

- Постой, причем тут Марсель? - удивился Жан.

- Потому что там я уж как-нибудь изловчусь и непременно попаду в страну буров.

- Как?! Ты собираешься в волонтеры?[12 - Волонтер - здесь лицо, добровольно поступившее на военную службу.] - вырвалось у Жана.

- Да уж больно охота поколотить этих надменных англичанишек!

- Как тебя зовут? - спросил Жан.

- Фанфан.

- Где живешь?

- Раньше жил на улице Грене, а теперь... ну, в общем, где попало.

- А родители?

- Отец пьянствует, а мать... уже пять лет, как она умерла, - ответил парнишка, и на глазах у него блеснули слезы.

- Значит, ты твердо решил записаться в трансваальскую армию?

- Тверже не бывает!

- В таком случае, Фанфан, я беру тебя с собой.

- Не может быть!.. Благодарю от всего сердца! С этой минуты я ваш на всю жизнь!

Так капитан Сорвиголова завербовал первого добровольца в свою роту разведчиков. В Марселе к ним присоединился еще один доброволец - раньше он работал поваренком на судне, а теперь потерял работу. Его звали Мариусом, но парень охотнее отзывался на прозвище Моко.

Вербовка разноязычного интернационального отряда продолжалась всю дорогу.

В Александрии[13 - Александрия - город в дельте Нила, сейчас главный морской порт и второй по величине город Египта, основан в 332 году до н. э.

Александром Македонским.] Жан завербовал сразу двоих - итальянца и немца. Оба служили юнгами, оба только что вышли из больницы и ожидали отправки на родину. Немца звали Фриц, а итальянца - Пьетро. В Адене[14 - Аден - город в Йемене на берегу Аденского залива, важный транзитный порт на берегу Аравийского моря.] он наткнулся на двух алжирских арабов. Их вывез из Алжира[15 - Алжир - в начале XX века колония Франции в Северной Африке, в западной части Средиземноморского бассейна.] местный губернатор, но они сбежали от него и теперь пытались где-нибудь устроиться. Они говорили на ломаном французском и охотно согласились следовать за молодым человеком, который к тому же предложил им неплохое жалованье.

Наконец, уже на пароходе Жан Грандье встретился с большой семьей французских эмигрантов, отправлявшихся искать счастья на Мадагаскар[16 - Мадагаскар - остров в западной части Индийского океана, у восточного побережья Африки.]. Их было пятнадцать человек, считая племянников и прочих родственников, и все они были бедны, как церковные крысы. Энтузиазм Жана произвел сильное впечатление на младших членов этого маленького клана, и ему удалось убедить троих юношей последовать за ним в Трансвааль. Чтобы возместить потерю рабочих рук, Жан вручил главе семьи десять тысяч франков и обещал выплатить столько же после окончания военных действий.

Ему хотелось пополнить свой отряд до дюжины, но по прибытии в мозамбикский[17 - Мозамбик - в то время португальская колония на юго-востоке Африки.] порт Лоренсу-Маркиш результат превзошел все ожидания Жана Грандье.

Как человек, привыкший полагаться лишь на себя, он вез с собой на сто тысяч франков оружия, боеприпасов, одежды, обуви, снаряжения и упряжи. Он знал, что всему этому на войне нет цены, но его тревожил вопрос о том, как отнесутся власти этой португальской колонии к выгрузке столь подозрительного багажа. Однако на этот счет у него уже имелся некоторый опыт. Поэтому, едва корабль пришвартовался, Жан преспокойно отправился напрямик домой к начальнику местной таможни.

Португальское правительство скверно оплачивало труд своих служащих. Жалованье поступало редко, а зачастую вовсе не поступало. Чиновникам приходилось выкручиваться самим, и они делали это так ловко, что довольно быстро наживали целые состояния.

Жан Грандье, который все это знал, побеседовал с таможенником всего несколько минут и моментально получил разрешение на выгрузку своей поклажи, в которой, по его словам, не было ничего, кроме «сельскохозяйственных орудий». Правда, обошлось это ему в целых тридцать пять тысяч франков, из которых лишь пять тысяч достались португальскому правительству. «Орудия» были немедленно отправлены по железной дороге в Преторию - столицу Трансвааля.

Неистощимое великодушие и живость характера Жана производили сильное впечатление на всех, кто сталкивался с ним. Его уверенность в себе, сдержанность, чувство собственного достоинства - все выдавало в нем лидера.

И в конце концов в отряд вошли пятнадцать парней, мечтавших о подвигах. Они были представителями разных национальностей, но прекрасно уживались друг с другом, словно члены одной семьи.

На следующий день поезд мчал их в Преторию, а по прибытии Жан Грандье отправился к президенту Крюгеру и был немедленно принят вместе со всеми своими товарищами.

В Трансваале не существовало ни приемных, ни адъютантов, ни секретарей – каждый мог свободно попасть к этому выдающемуся человеку, чья энергия воплощала волю народа, сражавшегося за независимость.

Волонтеров ввели в просторный зал, где у заваленного бумагами стола сидел президент, чье лицо с недавних пор стало известно всему миру. Выразительное, с крупными чертами и массивным подбородком, оно было обрамлено густой бородой, а слегка прищуренные глаза, казалось, пронизывали собеседника насквозь. Вся внушительная фигура Пауля Крюгера была полна скрытой силы, а в его неторопливых движениях сквозила непреклонная воля.

Да, этот человек производил величественное впечатление, и этому не мешали нескладно скроенная одежда, старая трубка в углу рта и вышедший из моды шелковый цилиндр, без которого он нигде не появлялся.

Президент неторопливо обернулся к Жану Грандье, легким кивком ответил на его приветствие и спросил через переводчика:

– Кто вы и что вам угодно?

– Француз, желающий драться с врагами вашей страны, – последовал краткий ответ.

– А эти молодые люди?

– Завербованные мною добровольцы. Их обмундирование, вооружение и содержание я беру на свой счет.

– Вы настолько богаты?

- Да. Больше того - я рассчитываю собрать до сотни волонтеров, сформировать из них роту разведчиков и предоставить ее в ваше распоряжение.

- Кто же будет командовать ими?

- Я. Под началом одного из ваших генералов.

- Но ведь все они - сущие молокососы.

- Молокососы? Неплохое название: отряд Молокососов. Уверяю вас - вы еще не раз его услышите!

- Сколько же вам лет?

- Шестнадцать.

- Гм... не так уж много.

- В шестнадцать, если не ошибаюсь, вы подстрелили вашего первого льва?

- Верно! - усмехнулся Крюгер.

- И разве не в юности человек полон беззаветной преданности, жажды самопожертвования и презрения к смерти!

- Неплохо сказано, мой мальчик! Ну что ж - превратите ваших Молокососов в настоящих солдат. Бог свидетель - я верю вам.

- Благодарю, господин президент!

Старик поднялся во весь рост и пожал капитану Молокососов руку:

- Уверен, что этот маленький француз способен на большие дела.

Дядюшка Пауль оказался неплохим пророком.

Уже на следующий день пятнадцать Молокососов шагали по улицам Претории в полном боевом снаряжении, с винтовками Маузера[18 - Маузер – магазинная винтовка образца 1898 года, разработанная немецкими конструкторами Вильгельмом и Паулем Маузерами, состояла на вооружении многих стран мира вплоть до конца Второй мировой войны.] за плечами, патронташами на поясных ремнях и в широкополых фетровых шляпах. А еще через пятнадцать часов у них были пони, на которых Молокососы гарцевали живописной кавалькадой[19 - Кавалькада – группа всадников.].

Юный капитан не собирался играть в игрушки: он отлично знал, что нет лучшей рекламы для привлечения волонтеров, чем появление на улицах маленького, но отлично вооруженного отряда.

И действительно – добровольцы стекались к нему со всех сторон. Не прошло и недели, как Жан Грандье завербовал сотню Молокососов, причем самому младшему из них было четырнадцать, а старшему – семнадцать лет. А поскольку все это пестрое воинство изъяснялось на невообразимой смеси языков, пришлось искать переводчика, который знал бы одновременно английский, французский, голландский и португальский.

И он нашелся – это был тридцатилетний бородатый бур, которого мальчишки прозвали Папашей. А на седьмой день эскадрон Молокососов парадным маршем прошел перед резиденцией президента. Дядюшка Пауль приветствовал юных храбрецов с растроганной улыбкой.

Глава 4

Как раз в ту пору боевые действия разворачивались под осажденным бурами Ледисмитом – в городе держал оборону сильный британский гарнизон. Кольцо окружения почти сомкнулось. Сюда-то, в распоряжение генерала Вильжуэна, и был доставлен по железной дороге интернациональный эскадрон Жана Грандье.

Первые же боевые действия, в которых довелось принять участие молодым людям, развеяли немало романтических иллюзий. Ведь всякий доброволец мечтает о подвигах, а в армию идет для того, чтобы сражаться. И тут

выясняется: сражения на войне – редкость. Война – это нескончаемые марши и маневры, караульная служба в любую погоду, бессонные ночи, переутомление, недоедание и прочие лишения, приказы, противоречащие один другому, неразбериха и бессмысленные потери – словом, множество вещей, ничего общего не имеющих с героизмом.

А в этой войне была и другая малоприятная сторона. Известно, что в мирное время буры – гостеприимный и радушный народ. Но странное дело: во время войны с англичанами эти же самые буры холодно, почти с недоверием встречали иностранных добровольцев, стекавшихся в Южную Африку со всех концов света. Они, видите ли, никого не звали на помощь, и замешательство, с каким они принимали самопожертвование добровольцев, граничило с неблагодарностью.

С этим явлением столкнулись и Молокососы. Бурский генерал принял их отряд равнодушно и не нашел ничего лучшего, как использовать юнцов для конвоирования обозов. Черт побери, неужели они проехали тысячи километров для того, чтобы тащиться за скрипучими повозками с провиантом?

Дни шли за днями, не принося никаких изменений, если не считать земляные работы, на которые их иногда посылали. А уж хуже этого вообще нельзя было ничего придумать. Но была в этом и положительная сторона – бойцы эскадрона все теснее сходились друг с другом, они начали, хоть еще и очень смутно, понимать друг друга. Благодаря массе свободного времени, молодые буры – а их было большинство среди Молокососов – занялись дрессировкой пони и вскоре превратили их чуть ли не в цирковых животных.

Но в тот самый момент, когда сорванцы уже совсем было пали духом, внезапно была замечена кавалерийская разведка англичан.

– Враг! Враг! Нас обходят справа!..

– Они отрежут нас!..

Все кричали одновременно, причем на разных языках. Молокососы ждали приказа, но приказа не было, и тогда Фанфан, парижский зевака по натуре, не в силах совладать с любопытством, вскочил на пони и помчался вперед.

За ним последовал второй Молокосос, затем еще четверо, и в конце концов весь эскадрон сорвался с места. Юные безумцы пустили своих лошадок в карьер, думая только об одном – наконец-то они столкнутся с англичанами лицом к лицу.

Сорвиголова даже не пытался остановить своих парней. Он бешено пришпорил коня, вырвался вперед и голосом, покрывшим гиканье и свист, скомандовал:

– Вперед!

Эта безумная, но исполненная отчаянной решимости и неистового мужества атака была поистине великолепна.

Английские кавалеристы не из тех, кого легко захватить врасплох. Обнажив сабли, они ринулись на скачущий врассыпную эскадрон. Еще миг – и произойдет кровавое столкновение, а сорванцы, вопреки законам кавалерийского боя, даже не перестроились!

Но тут Жан, сохранивший остатки хладнокровия, использовал последнее средство. Он бросил поводья, мгновенно прицелился, выстрелил и закричал во всю глотку:

– Огонь!.. Целься ниже!..

Папаша, скакавший рядом, повторил этот приказ по-голландски. Началась ожесточенная пальба. Магазины маузеров были полны, и каждый Молокосос успел выстрелить как минимум трижды.

Лошади англичан начали валиться одна на другую, давя всадников. Невообразимый хаос охватил разведывательный отряд, и контратака захлебнулась. Больше того: пони Молокососов, не чувствуя поводьев, на всем скаку врезались в английский эскадрон, пронеслись сквозь его ряды и рванулись дальше. Позади осталось жуткое месиво из убитых и раненых людей и лошадей, а воздух огласился проклятиями, стонами и предсмертным хрипом.

Англичане – их было около шестидесяти человек – потеряли треть своего состава. Решив, что за Молокососами следует другой, более многочисленный

отряд, уцелевшие повернули коней и бросились к своим аванпостам. Однако на полпути они снова наткнулись на Молокососов, чьи пони пронеслись сквозь их строй. Сорванцы успели перестроиться и снова атаковали англичан в лоб.

В конце концов они окружили остатки противника и под угрозой расстрела в упор потребовали, чтобы они сдались.

Англичане потеряли тридцать человек убитыми и ранеными, почти столько же угодили в плен, их доставили в штаб генерала Вильжуэна. В отряде Жана Грандье шестеро были ранены, десять лошадей получили увечья...

Вот это война! Именно так мог бы сказать каждый из них, когда генерал горячо поздравил отважных сорванцов. До сих пор он словно не замечал их и теперь не мог прийти в себя от изумления. Действительно: рядом с рослыми и широкогрудыми английскими кавалеристами юнцы на своих пони выглядели как цирковые мартышки, взгромоздившиеся верхом на собак.

– Сущие дети! – качая головой, заметил Вильжуэн и добавил, обращаясь к Жану: – Должен признать, сманеврировали вы как настоящий *temmer van wilde paarden*. Но прошу помнить: в другой раз это может закончиться далеко не так удачно.

Переводчик Папаша, добравшись до слов «*temmer van wilde paarden*», буквально означающих «укротитель диких лошадей», нашел для них более точный и меткий французский перевод: «сорвиголова».

– Сорвиголова? – воскликнул Жан. – Годится! Как раз по мне. На Клондайке меня прозвали примерно так же.

– Да здравствует капитан Сорвиголова! – заорал во все горло Фанфан.

В этой горячей и совершенно необдуманной стычке Молокососы доказали главное: они пригодны для серьезных дел. Отныне они были зачислены в команду – так в армии буров называли полки – генерала Вильжуэна, и на этой нелегкой службе проявили поразительную ловкость, энергию и отвагу.

Однажды Сорвиголова, словно задавшийся целью оправдать свое прозвище, в одиночку отправился на левый берег реки Тугела. Здесь было настоящее скопление британских войск, и смертельная опасность подстерегала на каждом шагу. Английские кавалеристы, скрывавшиеся за одним из холмов, заметили его и, бросившись в погоню, прижали юношу к берегу.

Сорвиголова заставил своего пони броситься в воду. Англичане открыли бешеную пальбу с берега. Град пуль буквально барабанил по воде, и только чудом можно было объяснить, что ни одна из них не задела его. Внезапно с пони что-то случилось: он стал судорожно метаться и вскоре пошел ко дну, увлекая за собой всадника.

Избавившись от стремян, Сорвиголова некоторое время оставался под водой, но стоило ему появиться на поверхности, чтобы глотнуть воздуха, как его голова превращалась в мишень для англичан. Он нырял снова и снова и в конце концов окончательно выбился из сил. Еще несколько секунд – и отважный юноша пошел бы ко дну.

Эту отчаянную борьбу за жизнь видел человек, стоявший на другом берегу. Не обращая внимания на выстрелы англичан, которые тут же перенесли огонь на него, этот человек бросился в воду, подплыл к Жану и подхватил его в тот миг, когда юноша уже терял сознание. При этом одна из пуль настигла спасителя, разорвав ему плечо.

Храбрец плыл, оставляя кровавый след на воде, и, уже сам почти лишившись чувств, вынес на берег юного командира разведчиков.

Неизвестный, спасший Жана, был не кто иной, как фермер Давид Поттер. Он отнес юношу на свою ферму, находившуюся в двух километрах от реки, и вы`ходил с отеческой заботливостью. Выздоровев, юноша всякий раз, когда выдавалось свободное от службы время, приезжал на ферму Давида, чтобы провести несколько часов в кругу его семьи.

Читатель уже знает, при каких трагических обстоятельствах оборвалась эта дружба, и может представить себе, в какое неистовство привела Сорвиголову расправа с его другом и спасителем. Он поклялся жестоко отомстить, а клятва, произнесенная таким человеком, как Жан Грандье, стоит многого...

И вот теперь, после головокружительного бегства по травянистому велду, позволившему им ускользнуть от погони, юный Поль Поттер и Сорвиголова с Фанфаном на плечах очутились перед непроходимыми зарослями колючей мимозы.

Они надеялись обрести здесь спасение, и вдруг навстречу им и практически в упор раздались выстрелы. Но что за чудо – ни одна из пуль даже не зацепила никого из Молокососов! И это было тем удивительнее, что загадочные стрелки, укрытые за ветками и стволами деревьев, имели возможность спокойно целиться.

Зато с полдюжины англичан, подстреленных с расстояния тридцати метров, закувыркались в воздухе, как кролики.

– Спокойно, хозяин! – воскликнул ослабевший, но не унывающий Фанфан. – Это свои!

– Верно, там друзья! – подхватил Сорвиголова. – Тогда – вперед!

Поль бесстрашно полез в колючую чащу, за ним последовал Фанфан, Жан замыкал шествие, поддерживая Фанфана. А в следующую минуту они очутились перед строем гремевших маузеров: около двадцати юнцов, притаившихся за завесой листвы, встретили их радостными криками:

– Спасены!.. Спасены!..

Сорвиголова узнал самых отважных из Молокососов, но их появление здесь граничило с чудом. Здесь были и Мариус по прозвищу Моко, и Фриц, и Пьетро, и юные алжирцы Макаш и Сабир, и юнга Финьоле, и три эмигранта-француза – Жан-Луи, Жан-Пьер и просто Жан, и оба португальца – Фернандо и Гаэтано, и шестеро молодых буров – Карл, Элиас, Йорис, Манус, Гуго и Иоахим, и другие, чьи лица он не разглядел за облачками порохового дыма.

В общей сложности их было не меньше двадцати, и натворить они успели немало. Кони английских кавалеристов представляли отличную мишень. Под защитой зарослей Молокососы стреляли безостановочно и укладывали врагов одного за другим. Почти все кони англичан уже валялись в траве, когда шестерым уцелевшим всадникам пришла в голову спасительная мысль

повернуть их назад и во весь опор помчаться к своим позициям.

Их бегство сопровождалось оглушительным «ура!» сорванцов, которые покинули засаду и чуть не задушили в объятиях своего капитана. Впрочем, сейчас было не до восторгов: на земле лежали раненые и контуженные[20 - Контузия – общее поражение организма вследствие резкого механического воздействия (воздушной, водяной или звуковой волны, удара о землю или воду и т. п.), без повреждения наружных покровов тела. Последствия разнообразны – от временной утраты слуха, зрения, речи до тяжелых нарушений психической деятельности.], пора было подумать и о них.

Сорвиголова направился к тем, кто совсем недавно преследовал его. Кроме простой человечности, еще одно соображение заставило капитана Молокососов поспешить на помощь врагам.

Его взгляд случайно упал на красивого парня, нога которого была придавлена убитым конем, и в нем Сорвиголова мгновенно узнал сержанта, не так давно исполнявшего обязанности секретаря суда. Англичанина извлекли из-под туши коня, и Сорвиголова с удовлетворением отметил, что тот не ранен, а лишь ушиблен и слегка контужен.

– Хотите получить свободу? – без проволочек спросил капитан Молокососов.

– Естественно, – стараясь сохранить достоинство, ответил солдат, – если только для этого мне не придется нарушить присягу.

– Я слишком уважаю дело, за которое сражаюсь, чтобы бесчестить побежденного врага. Вот что от вас потребуется в обмен на свободу: вы должны лично вручить письма, которые я напишу, каждому из членов военного суда, приговорившего Давида Поттера.

– Нет ничего проще, – ответил англичанин, не ожидавший, что так легко отделается.

– Раз так, попрошу вас сообщить мне их имена.

– Извольте. Председатель суда – полковник хайлендеров Гордона лорд Леннокс, герцог Ричмонд. Судьи – майор третьего уланского полка Колвилл, капитан четвертой артиллерийской батареи Адамс, капитан второй роты седьмого драгунского полка Рассел и капитан первой роты шотландских стрелков Харден.

Жан Грандье не принадлежал к тем людям, которые теряют время попусту. Достав из кармана бумажник, он извлек оттуда пять визитных карточек и стремительным бисерным почерком написал на каждой:

«Убитый вами ни в чем не повинный Давид Поттер приговорил вас к смертной казни. Я – исполнитель его приговора. Где бы вы ни были, моя рука повсюду настигнет вас. Вы были безжалостны, и я буду безжалостен. Вы обречены. Капитан Сорвиголова».

Надписав на обороте карточек имена и звания членов военного суда, он вручил их сержанту со словами:

– Дайте слово доставить их адресатам.

– Клянусь честью – ваши послания будут переданы.

– Прекрасно. Вы свободны!

Глава 5

Со временем Молокососы превратились в закаленный в боях отряд, в достоинствах которого регулярно убеждалось командование. С ними считались, как со взрослыми, и поручали самые рискованные дела. Их капитан умел найти выход из любого положения, и, хотя молодые люди порой несли потери, это не лишало их задора и мужества.

Разведка, едва не закончившаяся трагически для Сорвиголовой, имела целью выяснить, каковы намерения британского генерала Джорджа Уайта, командовавшего гарнизоном окруженного Ледисмита. Все данные свидетельствовали, что англичане готовятся к наступлению, и вскоре оно

действительно началось – примерно в двадцати километрах от города. Удар англичан был направлен в сторону местечка Эландслаагте.

Генерал Вильжуэн, основываясь на докладе Жана Грандье, заранее принял все меры для оказания достойного отпора врагу. Буры заняли удобные позиции вдоль цепи пологих холмов, их траншеи располагались под прикрытием скал. В густой траве была скрыта система заграждений из колючей проволоки, в разбросанных там и сям передовых окопчиках засели самые меткие стрелки. Под скалами, позади линии окопов, притаились бурские пушки, а при них – готовая к бою орудийная прислуга.

Мертвая тишина повисла над трансваальской линией обороны. Люди и кони без шума и суеты заняли заранее подготовленные позиции и внезапно исчезли, будто растаяли. Лишь изредка кое-где поблескивал ствол винтовки Маузера или показывался на секунду круп лошади, прижавшейся к скале.

Англичане же, наоборот, двигались по открытому велду в согласии с самой современной наступательной тактикой: сначала артиллерия, затем кавалерия и пехота.

Это были отборные войска, укомплектованные опытным штатом унтер-офицеров[21 - Унтер-офицер – воинское звание и категория младшего командного, начальствующего состава в вооруженных силах разных стран.]. Любая держава могла бы гордиться такими солдатами, и не их вина, что им приходилось проливать свою кровь, чтобы отнять у ни в чем не повинных людей самое драгоценное – свободу.

Генерал Уайт спешил. Разомкнув кольцо осады, его войска обрели бы свободу для маневра, но главное заключалось в том, что лично ему во что бы то ни стало требовалась победа. И он был готов заплатить за нее любую цену.

Дело в том, что в Кейптауне уже высадился новый главнокомандующий – сэр Редверс Буллер, и генералу Уайту необходимо было доказать правительству в Лондоне, что намного лучше было бы доверить командование всеми английскими войсками не Буллеру, а ему, Уайту. Такова была истинная причина этого наступления, столь поспешного, что бурские генералы долго не соглашались в это поверить.

И вот из глубины долины донеслись глухие раскаты: английские пушки открыли огонь. Под грохот четырех непрерывно гремевших батарей столько же колонн английской пехоты, перестраиваясь на ходу, медленно приближались к холмам.

Пушки буров отвечали с ленцой – весь этот фейерверк не представлял для их позиций опасности. Буры-артиллеристы заранее разместили ориентиры и точки прицеливания и теперь терпеливо выжидали, когда можно будет открыть шквальный огонь, чтобы разить вражескую пехоту наверняка.

Два пехотных полка, поддерживаемые двумя батальонами хайлендеров Гордона, приблизились к позиции буров и с ходу бросились в атаку. Стрелки, залегшие в передовых окопчиках, тут же открыли ответный огонь. Несколько англичан упали.

Пушки неистовствовали; непрерывно рвались снаряды, зеленой пеленой стлался дым, а в английских боевых порядках волынки[22 - Волынка – народный духовой музыкальный инструмент из нескольких трубок, вделанных в кожаный мешок или пузырь, через который вдувается воздух.] гнусавили самые боевые мотивы...

Первая линия бурских траншей была взята англичанами без особых усилий. Шагавшие в авангарде хайлендеры Гордона, опьяненные легким успехом, с громовым «ура!» бросились вперед, но, запутавшись в проволочных заграждениях, начали падать, кувыркаться и застревать в таких позах, которые при других обстоятельствах могли бы вызвать только смех.

Тогда генерал Вильжуэн невозмутимо скомандовал:

– Огонь!

Вокруг поднялась дьявольская пальба, но Сорвиголова, приподнявшись, крикнул своим Молокососам:

– Внимание!.. Беречь патроны! Целиться тщательно!

В то же мгновение вдоль всей линии обороны загрохотали пушки буров. С расстояния в каких-то девятьсот метров на английскую пехоту, завязшую в проволочных заграждениях, обрушился ураган огня.

– Сомкнуть строй!.. – командовали английские офицеры, которым даже среди этой бойни не изменило хладнокровие.

Тем временем саперы специальными ножницами резали колючую проволоку, расчищая проходы. С новой силой загнусавили волынки, и волна окровавленных людей с еще большим ожесточением ринулась на штурм.

Буры встретили этот натиск с невозмутимым мужеством, а затем покинули один за другим три холма, связанные между собой системой траншей. Маневр был выполнен в считанные минуты, на поле боя не осталось ни одного убитого или раненого. Позиции для отступления были подготовлены загодя, а все поле перед ними было заранее тщательно размечено по карте на квадраты, и каждый находился на прицеле у бурских орудий.

Англичане не поняли, что отступление было умышленным, и продолжали наступление, предвкушая скорую победу.

Молокососы также сменили позицию: теперь она находилась над широким проходом, куда неизбежно должны были ринуться хайлендеры Гордона. Рядом с Сорвиголовой залег Поль Поттер. Оба пристально следили за неистовым натиском горных стрелков, и у обоих в голове пульсировала одна и та же мысль: «Полковник горцев – герцог Ричмонд!»

Взгляды молодых людей были прикованы к самой гуще битвы, где они надеялись отыскать герцога. Но разве в такой суматохе можно было кого-либо распознать! В конце концов они принялись стрелять во всех офицеров без разбора.

– Перебьем всех офицеров-гордонцев! – воскликнул капитан Молокососов. – Тогда уж герцог непременно окажется в числе убитых...

– И мой отец будет отомщен! – в неистовом восторге подхватил сын расстрелянного бура.

Вскоре сражение превратилось во всеобщую свалку, а офицеры потеряли руководство подразделениями. Солдаты, опьяненные кровью, действовали каждый на свой страх и риск, стреляя друг в друга в упор и бешено схватываясь врукопашную.

В течение четверти часа буры потеряли двух генералов. Прославленный начальник бурской артиллерии Жан Кок был поражен двумя пулями, а генерал Вильжуэн, раненый в грудь, упал со словами: «Бейтесь до последней капли крови, ребята!»

Потеря этих военачальников сопровождалась громом проклятий в адрес англичан. Но и те поплатились дорого: почти весь их офицерский состав был истреблен. Из четырнадцати командиров второго батальона хайлендеров уцелели только двое. Один из них казался неуязвимым, несмотря на то что выделялся ростом и ярким мундиром: он руководил атакой и вел солдат на приступ, подбадривая собственным примером.

Этим офицером был командир горцев герцог Ричмонд. Под ним пало уже три коня, он служил мишенью для пятисот стрелков, и все же оставался невредимым под свинцовым дождем. Теперь он бился пешим, а рядом с ним сражался юноша аристократической внешности со знаками различия младшего лейтенанта. Сходство между двумя офицерами бросалось в глаза – очевидно, это были отец и сын.

Время от времени герцог бросал на сына беглый взгляд, в котором можно было прочесть и страх за его жизнь, и восхищение его мужеством, а тот уже не в первый раз бросался вперед, чтобы прикрыть грудь своего отца и командира. Тем не менее, младший лейтенант оставался невредимым, хотя пули словно ножом раскрыли в нескольких местах его мундир.

В пылу боя младшему из офицеров довелось столкнуться лицом к лицу с капитаном Молокососов. К этому моменту единственным оружием француза осталась винтовка без штыка. Он прицелился и с расстояния четырех шагов спустил курок. Но вместо выстрела раздался сухой щелчок – все патроны были израсходованы в схватке. Англичанин тоже выстрелил; это был его последний заряд. Стреляя почти в упор, он промахнулся.

Сорвиголова схватил свой маузер за ствол и взмахнул им, как боевой дубиной. Удар наверняка размозжил бы голову молодому англичанину, если бы тот не успел парировать его стальным эфесом тяжелой шотландской сабли. Клинок при этом разлетелся на куски. Скользя по плечу младшего лейтенанта, приклад маузера ударился о землю и переломился у самой казенной части.

Оба молодых человека, отшвырнув обломки оружия, схватились врукопашную. Но их силы и ожесточение оказались равными. И когда оба уже катались по земле, Сорвиголова заметил на земле обломок клинка англичанина. Риска испалечить руку, Жан схватил его и, замахнувшись, как кинжалом, крикнул:

- Сдавайся!

- Нет! - зарычал офицер, бешено отбиваясь. Жан ударил его острием клинка, но шотландец, уже истекая кровью, снова крикнул: - Ни за что!

На помощь сыну спешил полковник, крича: «Держись, Патрик!» Казалось, его сабля сейчас рассечет голову капитана Молокососов, который продолжал наносить противнику ожесточенные удары, но юный Поль Поттер спас друга.

Хладнокровный подросток в ходе всего боя предусмотрительно пополнял патронами магазин своего маузера. Узнав полковника, он взвыл от радости, прицелился и выстрелил.

Пуля угодила полковнику прямо в грудь. Он остановился, пошатываясь и словно лоя равновесие, а затем рухнул навзничь.

- Прощай, Патрик!.. Сын мой!.. - в последнем усилии вымолвил он.

Молодой офицер, едва различавший происходящее сквозь красный туман в глазах, увидел, как упал его отец. Нечеловеческим усилием он вырвался из рук Жана Грандье, приподнялся, опираясь на руки, и тут заметил юного Поля, чья винтовка еще дымилась.

Голосом, прерывающимся от рыданий и боли, он воскликнул:

- Будь ты проклят, убийца моего отца!

– Он убил моего! – с ожесточением возразил юный бур.

Но Патрик его уже не слышал; он упал без чувств у ног капитана Молокососов. Ярость Жана Грандые мгновенно исчезла. Он окликнул санитаров, и те, оказав первую помощь раненому, уложили его на носилки.

Битва на этом участке обороны закончилась поражением шотландцев. Остатки хайлендеров начали поспешное отступление.

Склонившись над носилками, Сорвиголова влил в рот Патрику несколько капель рома. Шотландец вздрогнул, открыл глаза, узнал своего противника и, заметив у него в глазах сострадание, схватил его за руку и едва шевеля губами произнес:

– Что с моим отцом?

– Сейчас узнаю...

Сорвиголова помчался на поле битвы и, найдя полковника среди груды тел, заметил, что тот еще дышит. Он поручил его санитарам, а сам вернулся, чтобы сообщить молодому офицеру, что отец его жив и надежда еще не потеряна.

Не только хайлендеры, но и весь британский корпус, брошенный на прорыв окружения, был разбит наголову. Англичане потеряли свыше двух тысяч солдат и офицеров и две артиллерийские батареи. Бессовестные политиканы, рыцари наживы, развязавшие эту войну, могли быть вполне довольны!..

Грохот сражения сменился тишиной. Англичане в беспорядке отступили в Ледисмит. Буры укрылись в своих укреплениях, возведенных вокруг города и охраняемых днем и ночью конными патрулями.

В бурском лагере вновь началась мирная жизнь. Бойцы чистили орудия, ремонтировали поврежденные повозки, чинили одежду, залечивали мелкие раны. С невозмутимым спокойствием эти люди готовились к новым битвам.

Под защитой холма расположились четыре просторные палатки, над которыми развевался белый флаг с изображением красного креста, – полевой госпиталь. В каждой палатке находилось до сотни раненых – буров и англичан, причем

последних было вдвое больше.

Все раненые были перемешаны здесь по-братски: рядом с бородатыми бурами – атлетического сложения британские королевские стрелки и шотландские горцы, даже в бою не сменившие свой национальный костюм на форму цвета хаки. Бледные, потерявшие много крови, все они старались держаться мужественно, чтобы и в плену не уронить свое национальное достоинство.

Глава 6

Среди этих страдальцев бесшумно сновали скромные и ловкие женщины. Они меняли повязки, разносили чашки с бульоном, ставили компрессы. Это были жены, матери и сестры буров-бойцов, покинувшие фермы и отправившиеся на войну вместе с близкими. С полной самоотверженностью они ухаживали не только за своими, но и за теми, кто сегодня угрожал их жизни и свободе.

Ждали доктора. В одну из палаток вихрем влетел Жан Грандье в сопровождении своего приятеля Фанфана. Юный парижанин еще прихрамывал, но был счастлив, что уже не числится «лежачим». В ожидании того дня, когда он снова сможет сесть верхом на пони, Фанфан взялся за работу санитаря.

Взгляд капитана Молокососов устремился к двум койкам, стоявшим в центре палатки. На одной из них лежал герцог Ричмонд, на другой – его сын. Тяжелое дыхание со свистом вырывалось из груди герцога; бледный как полотно, он сжимал руку сына, следившего за ним с отчаянием в глазах. Подойдя поближе, Сорвиголова обратился к молодому человеку:

– Простите, я запоздал. Как вы себя чувствуете?

– Относительно неплохо... Но мой отец... Вы только взгляните!

– Доктор сейчас придет. Он обещал заняться вашим отцом в первую очередь.

– Благодарю вас за участие! Вы достойный противник! – проговорил молодой шотландец.

- На моем месте вы наверняка поступили бы так же.

- Судя по вашему акценту, вы – француз?

- Совершенно верно.

- В таком случае, мне особенно дорого ваше дружеское расположение. Однажды наша семья: отец, сестра и я, очутились прямо-таки в отчаянном положении. И французы буквально вырвали нас из объятий смерти.

- А вот и доктор Тромп! – воскликнул Сорвиголова, тронутый искренностью своего вчерашнего противника.

Оба одновременно взглянули на вошедшего. Доктор был человеком лет сорока, рослым, сильным и ловким в движениях, с едва обозначившимися залысинами на висках и спокойным взглядом; его плотно сжатые губы обрамляли пшеничные усы. За спиной у него висел карабин, а на поясном ремне – патронташ. Всем своим обликом он походил скорее на партизанского вожака, чем на медика.

Голландец из Дортрехта, известный ученый и замечательный хирург, доктор Тромп после первых же стычек в Южной Африке прибыл в Оранжевую республику и вступил добровольцем в армию буров. Он сражался в ее рядах, а по мере необходимости снова превращался во врача. Добрый и самоотверженный, он имел единственный недостаток – был неисправимым болтуном. Однако высказываемые им мысли часто были настолько интересны, что его охотно слушали.

Доктор извлек из подвешенного под патронташем брезентового мешка хирургические инструменты, разложил их на походном столике и сразу же утратил всякую воинственность. Он одновременно улыбался направо и налево раненым, благодарил санитарок, отвечал на приветствия, мыл руки и приговаривал:

- Раствор сулемы! Отменное антисептическое средство!.. Я к вашим услугам, Сорвиголова... Так, отлично... Теперь пустим в ход губку...

Прокалив на спиртовке свои инструменты, он направился к полковнику.

Раненые, лежавшие рядом, заворчали.

- Терпение, друзья! - воскликнул доктор. - Позвольте мне прежде прооперировать этого джентльмена. Он, похоже, в шаге от смерти...

У доктора Тромпа была своеобразная манера преподносить больным горькие истины.

С помощью Жана Грандые и Фанфана он усадил раненого на кровати, поднял его рубашку и восхищено воскликнул:

- Великолепная рана, сэр! Нет, вы только взгляните! Третье ребро справа будто резцом проточено. Ни перелома, ни осколка! Небольшое отверстие диаметром с пулю. Затем пуля прошла по прямой через легкое и... и где же она? Странная история... Ба! Да она застряла в центре лопатки. Сейчас мы ее извлечем... Потерпите, сэр. Это не больнее, чем удалить зуб. Раз... два... Готово!

Глухой хрип вырвался из горла раненого; конвульсивным движением он сжал руку сына. Из раны брызнула струя крови, и одновременно раздался тихий свистящий звук.

- Чудесно, - продолжал хирург, - легкое освободилось... Дышите, полковник, не стесняйтесь!

Офицер глубоко вздохнул, в его глазах появился блеск, щеки слегка порозовели.

- Ну как, легче, а?

- О да! Намного.

- Я так и знал!.. Ну, что скажете, Сорвиголова?.. Еще немного терпения, ребята...

Он говорил без умолку - то по-английски, то по-голландски, то по-французски, но делал при этом гораздо больше, чем говорил. Обратившись к шотландцу, он произнес:

– Через три недели будете на ногах, сэр. Видите ли, маузеровская пуля – прелестная штучка. Благодаря своей скорости – шестьсот сорок метров в секунду, не шутка! – она, как иголка, проходит через живую ткань. Ничего общего с дурацкими осколочными снарядами, которые все сокрушают на своем пути. Не-ет, маузеровская пуля – это для деликатных джентльменов...

Ни на секунду не замолкая, доктор Тромп вставил в пулевое отверстие тампоны гигроскопической ваты, пропитанные раствором сулемы, затем наложил повязку и закончил операцию словами:

– Вот и все! Диета? Супы, молоко, сырые яйца, немного виски... Через восемь дней – ростбиф, сколько душа пожелает. Организм крепкий, думаю, даже жа?ра не будет.

Не слушая благодарностей, доктор перешел к другому раненому.

– А вы, Сорвиголова и Фанфан, за мной!

Молодой лейтенант, ошеломленный этим потоком слов и восхищенный благополучным исходом дела, бережно обнял отца.

Доктор и его случайные помощники продолжали обход, причем на каждом шагу им приходилось сталкиваться с невероятными ранениями. Четыре дня назад один ирландский солдат во время стычки на аванпостах был ранен пулей, попавшей ему в темя. Пуля пронзила мозг, небо, язык и вышла через щеку. Положение раненого считалось безнадежным. В той же стычке другой ирландец был ранен в левую сторону головы. Пуля также прошла через мозг и вышла с противоположной стороны.

– Ну-с, и что вы на это скажете, молодые люди? – горделиво воскликнул доктор. – В былые времена черепа этих молодцов разлетелись бы, как гнилые тыквы. А нынешняя деликатная пулька сумела причинить моим пациентам только одну неприятность: временно лишили их способности нести службу.

– Сногшибательно! – воскликнул Фанфан, не веря своим ушам, и Сорвиголова не мог с ним не согласиться.

– Через две недели оба будут здоровы, как мы с вами! – торжествовал доктор. – Правда, боюсь, что один из них будет пожизненно страдать косоглазием.

– Но какой же смысл воевать, если мертвые воскресают и снова становятся в строй? – изумился Жан.

– Ну, раз уж наша идиотская цивилизация неспособна избавиться от такого зверства, как война, следует, по крайней мере, сделать ее как можно менее убийственной. В чем, в конце концов, цель войны? Вывести из строя как можно больше воюющих, а не уничтожить их. Значит, достаточно просто уменьшить количество солдат противника... А вот еще более удивительный случай! – воскликнул хирург, склоняясь к постели солдата-шотландца.

– Да разве он ранен, доктор? – удивился Сорвиголова.

Солдат покурил трубку и, казалось, чувствовал себя вполне сносно. Но на его щеке зияла открытая рана, нанесенная «гуманной» пулей. Она вошла чуть повыше левой ключицы в тот момент, когда стрелок лежал, прижавшись к земле, в ожидании атаки.

Доктор принялся искать выходное отверстие и обнаружил его чуть повыше правого бедра.

– Смотрите-ка! – восхитился он. – Пуля проложила дорогу через легкие, брюшину, кишки, таз и, наконец, подвздошную кость. Таким образом, этот бравый горец прошит сверху донизу, и сзади, и спереди. Тут уж нам вовсе нечего делать...

– Значит, он обречен? – спросил Сорвиголова.

– Ничего подобного! Встанет на ноги без всякого хирургического вмешательства. Постельный режим. Виски и трубка не запрещаются. Поправляйтесь, молодой человек! Следующий!

Так продолжалось до тех пор, пока доктор не направился к группе буров, лежавших на матрасах прямо на земле, все еще продолжая бормотать: «Отлично-отлично, все идет как по маслу...»

Здесь он остановился и насупился:

- Черт побери, а вот это мне уже не нравится!

Буров было пятеро. Это были жертвы английского крупнокалиберного снаряда, который угодил в группу солдат и уложил наповал десятерых бойцов. Уцелевшие же были в чудовищном состоянии: растерзанные мышцы, раздробленные кости, разорванные сосуды – сплошное месиво из мяса, обломков костей, тряпья и сгустков запекшейся крови.

Доктор Тромп на время утратил свое красноречие: несмотря на то что ему доводилось видеть всякое, тут он не сумел скрыть волнение.

Заручившись помощью Фанфана и Жана Грандье, близких к обмороку от жалости и ужаса, доктор взялся за дело. Он ампутировал конечности, рылся в телах в поисках осколков и разорванных сосудов, накладывал бесчисленные швы. Теперь ему приходилось иметь дело с повреждениями, каждое из которых угрожало жизни и к тому же было чревато осложнениями. Вдобавок двойной шок, причиненный ранением и вызванный самой операцией, и огромная потеря крови, истощающая раненого.

Как долго тянулись и как нестерпимо мучительны были эти операции, производившиеся без всякого наркоза!

Когда наконец самые тяжелые раненые получили помощь, доктор Тромп направился к младшему лейтенанту, терпеливо ожидавшему своей очереди. Его левая ключица треснула от удара, который Сорвиголова нанес ему прикладом маузера; рука не действовала, а грудь была исполосована обломком сабли, превратившимся в руках капитана Молокососов в опасное оружие.

Доктор тщательно промыл раны обеззараживающим раствором и наложил тугую повязку, чтобы воспрепятствовать инфекции. Затем, покончив с обязанностями врача, он вскинул на плечо карабин, нацепил патронташ и снова был готов с помощью «гуманной» пули наносить те самые аккуратные раны, которыми так восхищался.

Сорвиголова и младший лейтенант хайлендеров, хотя во время первого знакомства и обошлись друг с другом неучтиво, сразу же почувствовали

взаимную симпатию. В высшей степени храбрые и прямодушные, они были противниками во время битвы. Но благородным натурам чужды ненависть и низкая злоба межнациональной вражды. Отвага одного возбуждала в другом лишь уважение. И теперь уже не было ни англичанина, ни француза, ни победителя, ни побежденного, а только двое отважных юношей, чувствовавших, что могут стать друзьями.

Прошла неделя. Ежедневно в свободное от службы время Сорвиголова подолгу просиживал у изголовья раненого, который встречал его дружеским рукопожатием. Патрику становилось все лучше, а вот выздоровление его отца шло гораздо медленнее, чем предсказывал доктор-оптимист.

Сорвиголова всячески старался облегчить участь пленников, а в дружеских беседах время пролетало незаметно. Патрик рассказывал о своих приключениях в Индии, Жан – о том, что ему довелось пережить на Клондайке.

Простая натура Поля Поттера не могла примириться с приятнью, возникшей между вчерашними смертельными врагами, поэтому неудивительно, что в его отношениях с командиром отряда появился заметный холодок. А тем временем в душе Поля зрел план отмщения командиру шотландских стрелков.

Оба офицера-шотландца, в свою очередь, не могли понять – как Жан Грандье, образованный и богатый молодой человек, мог увлечься борьбой каких-то южноафриканских мужиков за независимость. Однажды Патрик с обычной прямотой спросил:

– Вы, Жан, ненавидите Англию?

– Англия – великая страна, и я восхищаюсь ею. Но сейчас она ведет бесчестную войну, и я сражаюсь против нее.

– Но ведь это наше внутреннее дело: мы подавляем мятеж на своей территории.

– Ничего подобного. Буры не подданные Англии, а следовательно, и не мятежники.

– Не лукавьте, – возразил Патрик. – Бурские республики находятся в центре английских интересов в Африке, и правительство считает их частью владений британской короны.

– Не могу с вами согласиться!

При этих словах Сорвиголова уже был готов взорваться, однако сдержал себя и насмешливо заметил:

– Вы считаете буров дикарями, но эти дикари пользуются электричеством, строят железные дороги, у них есть типографии, они производят современное оружие... Странные дикари, не правда ли? Думаю, что они неплохо выглядели бы и в Европе, а?.. Что касается главы этих «дикарей» – президента Крюгера...

– Крюгер! Эта бесхвостая макака!.. Шут, да и только.

– А буры находят, что он самый выдающийся человек в обеих республиках, как и вы, вероятно, видите в королеве Виктории самую мудрую женщину Соединенного королевства. Что ж, старый бур и пожилая английская леди прекрасны, но каждый в своем роде.

Этот меткий удар попал в цель – ни отец, ни сын не нашлись что возразить. Наконец полковник обрел дар речи.

– Все это только слова, – задумчиво произнес он. – Война – страшная вещь, и тот, кто ее начинает, должен быть беспощаден. Мы сражаемся здесь за существование Британской империи, и последнее слово в этой войне останется за нами, несмотря ни на какие жертвы.

Сорвиголова ясно увидел пропасть, которая отделяла его от британского аристократа, и внезапно испытал такой приступ возмущения, что голос его дрогнул:

– Не говорите так, милорд! Посмотрите, как добры к пленным эти люди, которых вы стремитесь уничтожить. Даже к вам, несмотря на то что вы так жестоко поступили с фермером Давидом Поттером.

– Это был мой долг председателя военного суда.

– И вы снова приказали бы убить патриота, лишитесь семью супруга и отца только потому, что он защищал свою жизнь и свободу?

– Без колебаний! Такова воля Ее Величества королевы, желающей присоединить к своим владениям бурские республики.

Сорвиголова вскочил, готовый дать решительный отпор, но внезапно за брезентовую стену палатки раздался яростный крик:

– Ты никого больше не убьешь, британский пес!..

Голос этот показался знакомым капитану разведчиков. Очевидно, все это время кто-то подслушивал их разговор, оставаясь невидимым. Сорвиголова поспешно вышел – не столько для того, чтобы выяснить, кто кричал, сколько с целью прервать разговор.

– Не сердитесь, Жан! – крикнул ему вслед Патрик. – Все это не относится к вам. А угрозы мы не боимся – каждый бур в этом лагере знает, как жестоко поплатятся за убийство герцога Ричмонда те, кто находятся у нас в плену.

Но Сорвиголова пропустил смысл этой фразы мимо ушей. Лицо его горело от негодования. Чтобы немного успокоиться, он обошел вокруг палатки, в которой помещался госпиталь, но никого не обнаружил за ней. Незнакомец, подслушивавший разговор, исчез, но на брезенте резко выделялось черное пятно, словно нарисованное углем. Возможно, Жан не обратил бы на это внимания, если бы пятно не находилось напротив того места в палатке, где располагались кровати полковника и его сына. Впрочем, он не придавал никакого значения этому наблюдению.

Вечером того же дня Сорвиголова отправился на ночное дежурство с десятью Молокососами. С ними должен был ехать и Поль Поттер, но юный бур по неизвестной причине не явился на поверку. Это случилось впервые.

Было около десяти вечера. Внезапно из ложбины, за которой располагался госпиталь, выскользнула безмолвная тень и решительно направилась к

госпитальной палатке. Человек шел босиком, но с ружьем на перевязи. Подойдя к палатке, он убедился, что за ним никто не следит, и остановился у пятна, несколько часов назад замеченного капитаном Сорвиголовой.

Вынув нож, он начал не спеша, нитку за ниткой, разрезать брезент. Когда образовалось небольшое отверстие, человек заглянул внутрь палатки, освещенной тусклым светом ночников. Прямо перед ним стояла кровать, покрытая шотландским пледом. Полковник крепко спал, а его голова находилась в полуметре от стены палатки. Без колебаний незнакомец просунул в отверстие ствол ружья, приставил к виску полковника и спустил курок. Грянул выстрел, удушливый пороховой дым заполнил палатку.

Когда на крики раненых прибежали сестры милосердия, то увидели младшего лейтенанта хайлендеров, сотрясавшегося от конвульсивных рыданий над телом отца. Герцог Ричмонд лежал на кровати с размозженной головой.

Глава 7

В это время Сорвиголова находился в боевом охранении у переднего края. Буры – храбрые, но беспечные воины, и дисциплина не была на первом месте в этой армии, скроенной по-семейному. Приказы командиров выполнялись кое-как, часовые нередко пренебрегали своими обязанностями, поэтому именно Молокососы лучше всех справились с задачей ночной охраны лагеря.

Около полуночи Сорвиголова заметил на нейтральной полосе, разделяющей воюющие стороны, какие-то серые тени. Луна скрылась за облаками, стало совсем темно.

Чтобы разобраться, в чем дело, надо было отправиться на ничейную полосу и взглянуть на происходящее своими глазами, но уж слишком был велик риск угодить под перекрестный огонь буров и англичан.

И все же Сорвиголова решился. Он прихватил с собой юнгу Финьоле, бура Йориса, итальянца Пьетро, португальца Гаэтано и креола[23 - Креол – потомок европейских колонизаторов, главным образом, испанских и португальских,

в Латинской Америке.] с острова Реюньон[24 - Реюньон – остров в Индийском океане, к востоку от Мадагаскара, заморский регион Франции.]. Все шестеро оставили при себе только револьверы, так как предстояло передвигаться попластунски.

Продвинувшись ползком на триста с лишним метров, Сорвиголова различил шагах в двадцати от себя какую-то темную массу. Вглядевшись, Жан убедился, что навстречу ползет человек. Негромкий шорох сопровождал каждое его движение. Разведчик должен по возможности избегать боя, и благоразумие требовало от Жана Грандье немедленно отступить и поднять тревогу. Но не тут-то было! «Английский разведчик! – мелькнуло у него в голове. – Я в два счета скручу его и возьму в плен».

Вскочив, Сорвиголова в два прыжка очутился возле английского разведчика и плашмя бросился на него. Но странное дело: под руками у него оказалась пустота, вернее – грубошерстная ткань, скорее всего, одеяло. И это одеяло чьи-то невидимые руки тянули к себе – очевидно, за привязанные к нему бечевки.

– Черт побери! – пробормотал Сорвиголова, поняв, что попался на уловку.

И не он один – его товарищи точно так же вместо вражеских разведчиков взяли в плен старое тряпье.

Но в чем тут смысл?

Долго ломать голову не пришлось: в следующие несколько секунд два взвода англичан окружили капитана Молокососов и его товарищей, повалили их на землю и заткнули рты прежде, чем они успели поднять тревогу.

Насмешливый голос произнес по-английски: «Юные болваны попались-таки на удочку!» – и полузадушенный Сорвиголова зарычал от бешенства.

– Молчать! – приказал тот же голос. – Вперед, и без шума, иначе смерть!

Сорвиголова мог оценить грозившую бурам опасность и ни минуты не колебался. Отчаянным усилием он вывернулся из рук солдата, сжимавшего его горло, и пронзительно закричал:

- Тревога!.. Тревога!.. Англичане!..

Солдат взмахнул саблей и непременно раскроил бы ему череп, если бы Сорвиголова не уклонился. В то же мгновение он выхватил револьвер и выстрелом в упор уложил пехотинца. А затем, понимая, что все равно погиб, насмешливо прокричал:

- Испорчен сюрприз, господа англичане!.. Вы хорошо запомните последнюю шутку, которую сыграл с вами Сорвиголова!

Он выстрелил еще раз, но в то же мгновение множество рук схватило его. Жана, вероятно, прикончили бы на месте, если бы кто-то, услышав прозвище Сорвиголова, не завопил истошным голосом:

- Стойте, не убивайте его! Это же тот самый Сорвиголова! Тому, кто притащит его в штаб живым, обещано двести фунтов!

Жану повезло: он остался в живых и знал, что буры услышали его крики и выстрелы. И в самом деле - из бурского лагеря загремели ружейные выстрелы, а вслед за ними по английской передовой ударила артиллерия...

Ночная атака была отбита, но командир Молокососов и его товарищи угодили в плен. Креол из Реюньона и молодой итальянец Пьетро умолкли навеки, а остальных, избитых до полусмерти прикладами, пришлось нести на носилках. Самостоятельно передвигался только Сорвиголова.

Через полчаса они оказались в английском лагере. Судя по тому, как часто повторяли его имя солдаты, капитан Молокососов понял, что пользуется здесь немалой, хоть и опасной популярностью.

Пленников швырнули в капонир[25 - Капонир - огневое оборонительное сооружение, предназначенное для ведения флангового или косоприцельного огня.], стены которого были выложены железнодорожными рельсами, и заперли, не дав даже глотка воды. Сорванцы провели тяжелую ночь: их мучила жажда, они истекали кровью и задыхались. Сорвиголова подбадривал товарищей, но в кромешной тьме так и не удалось перевязать их раны.

Наконец наступил день. Первым из капонира вытащили Жана, и вскоре он уже стоял перед драгунским офицером в чине капитана. Тот с нескрываемой иронией принялся разглядывать капитана Молокососов, которого охраняли четыре дюжих пехотинца. Вдоволь наглядевшись, драгунский капитан приступил к допросу:

– Так, значит, вы и есть тот самый француз, командир отряда волонтеров Сорвиголова?

– Да, это я! – ответил Жан, глядя прямо в лицо офицеру.

Офицер зловеще улыбнулся. Рука его скользнула в карман мундира и вернулась с бумажником, откуда он извлек сложенную вдвое визитную карточку. С нарочитой медлительностью он расправил ее и поднес к глазам Жана Грандые:

– Значит, вы автор этого шутовского послания?

Сорвиголова узнал одно из писем, отправленных им членам военно-полевого суда вскоре после смерти Давида Поттера.

Несмотря на то что слова «шутовское послание» прозвучали, как пощечина, Сорвиголова спокойно произнес:

– Тем не менее оно закончится для вас смертью.

– Я капитан Рассел, – с усмешкой продолжал офицер, – командир второй роты седьмого драгунского полка. Заметьте: приговоренный вами к смерти чувствует себя совсем неплохо.

– Поживем – увидим, – заметил Жан.

– Да вы, оказывается, хвастунишка, как и все прочие французы! Советую вам прекратить эти шутки, иначе дело кончится кнутом, даю вам честное слово!

– Человека, чью голову оценили в двести фунтов, не наказывают кнутом... К тому же я солдат и требую, чтобы со мной обращались как с пленным. Я отправил на тот свет столько англичан, что вполне заслуживаю этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20647839&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Йоханнесбург – поселок, находившийся рядом с золотым прииском, через три года превратился в главный город Южной Африки. (Здесь и далее прим. ред.)

2

Крейсер – класс боевых надводных кораблей, способных выполнять задачи независимо от основного флота, среди которых может быть борьба с легкими

силами флота, оборона соединений боевых кораблей и конвоев судов, огневая поддержка приморских флангов сухопутных войск и т. д.

3

Французская Гвиана – заморское владение Франции на северо-востоке Южной Америки.

4

Военно-полевой суд – чрезвычайный орган, действующий на основе особого положения, при упрощенном до крайних пределов судопроизводстве.

5

Хайлендеры Гордона – полк легкой пехоты, образованный герцогом Гордоном в 1794 году, первоначально из шотландцев. В XIX веке несли службу во многих колониях Британской империи, в том числе и в Африке.

6

Палаш – рубяще-колющее клинковое холодное оружие с прямым длинным клинком и сложным эфесом.

7

Карабин – первоначально короткое ружье для конницы, гладкоствольное или нарезное.

8

Драгуны – название конницы, способной действовать также и в пешем строю. Уланы – род легкой конницы, первоначально вооруженной пиками и саблями, впоследствии от других видов конницы отличались только формой. Гусары – род конницы, вооруженной саблями, карабинами, пистолетами.

9

Хаки – оттенки от грязно-желтого до зеленовато-коричневого, «защитного» цвета, используемого в целях камуфляжа. Во время второй англо-бурской войны (1899–1902) подразделения британской армии перешли на униформу цвета хаки.

10

Лука – выступающий изгиб переднего или заднего края седла.

11

Клондайк – правый приток реки Юкон на северо-западе Канады. С открытия месторождений золота в этом районе реки в середине августа 1896 года началась клондайкская «золотая лихорадка».

12

Волонтер – здесь лицо, добровольно поступившее на военную службу.

13

Александрия – город в дельте Нила, сейчас главный морской порт и второй по величине город Египта, основан в 332 году до н. э. Александром Македонским.

14

Аден – город в Йемене на берегу Аденского залива, важный транзитный порт на берегу Аравийского моря.

15

Алжир – в начале XX века колония Франции в Северной Африке, в западной части Средиземноморского бассейна.

16

Мадагаскар – остров в западной части Индийского океана, у восточного побережья Африки.

17

Мозамбик – в то время португальская колония на юго-востоке Африки.

18

Маузер – магазинная винтовка образца 1898 года, разработанная немецкими конструкторами Вильгельмом и Паулем Маузерами, состояла на вооружении многих стран мира вплоть до конца Второй мировой войны.

19

Кавалькада – группа всадников.

20

Контузия – общее поражение организма вследствие резкого механического воздействия (воздушной, водяной или звуковой волны, удара о землю или воду и т. п.), без повреждения наружных покровов тела. Последствия разнообразны – от временной утраты слуха, зрения, речи до тяжелых нарушений психической деятельности.

21

Унтер-офицер – воинское звание и категория младшего командного, начальствующего состава в вооруженных силах разных стран.

22

Волюнка – народный духовой музыкальный инструмент из нескольких трубок, вделанных в кожаный мешок или пузырь, через который вдувается воздух.

23

Креол – потомок европейских колонизаторов, главным образом, испанских и португальских, в Латинской Америке.

24

Реюньон – остров в Индийском океане, к востоку от Мадагаскара, заморский регион Франции.

25

Капонир – огневое оборонительное сооружение, предназначенное для ведения флангового или косоприцельного огня.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/lui-bussenar/kapitan-sorvigolova-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)